

Е.В. Гиголаева

**СОВЕТСКАЯ ПОХОРОННАЯ ИНДУСТРИЯ
В 1920-е ГОДЫ: НОВЫЙ БЫТ
В КОНТЕКСТЕ ЗАПАДНЫХ ГРАДОСТРОИТЕЛЬНЫХ ИДЕЙ**

Аннотация. В начале 1918 г. советская власть вывела из-под юрисдикции церкви практически все действия, связанные с похоронами человека. Историография связывает изменяющийся ритуал с попытками создания нового человека и нового быта, где связанные с похоронами действия происходят согласно большевистским, и в том числе конкретно антицерковным идеологическим установкам. Но вместе с тем на Западе уже совершилась революция в градостроительной политике, и конкретно в похоронной индустрии. Советские учреждения получили возможность перенимать западный опыт, а их западные коллеги могли наблюдать, как развивается похоронная индустрия в условиях послереволюционной Советской России.

Ключевые слова: урбанистика; кремация; повседневная жизнь; наука о смерти; НЭП.

Гиголаева Евгения Валерьевна – младший научный сотрудник
Государственного академического университета гуманитарных наук,
младший научный сотрудник Института всеобщей истории
Российской академии наук. E-mail: limonza@mail.ru

**E.V. Gigolaeva. Funeral Industry in the 1920s: Soviet New Life in Context
Western Urbanism**

Abstract. Soviet power withdrew from the jurisdiction of the Orthodox Church almost all activities related to the funeral in the 1918. The main historiography connects changes in the funeral sphere with attempts to create a new person and a new life. At the same time, in the West, the revolution in town-planning policy took place, specifically in the funeral industry. The topography of big soviet cities started to change and the expansion of some old cemeteries could disturb the road laying and the water supply system. Therefore, a question of the construction of new cemeteries, and also of the first crematorium, was raised.

Keywords: urbanism; death studies; cremation; everyday life; New economic policy.

Gigolaeva Evgeniya Valerievna – Junior Research Fellow;
State Academic University for the Humanities;
Institute of World History, RAS. E-mail: limonza@mail.ru

Историография и методы

В конце XIX в. Российская империя стала активно развивать свой индустриальный потенциал, начал меняться облик российских городов. Империя стала перенимать западные идеи градостроительства, адаптируя их с учетом местных особенностей. Сначала отражением этого становились городские агломерации Москвы и Санкт-Петербурга, затем новые поселения, возникавшие на пути строительства железных дорог. В советское время активно стали строиться города нового типа вокруг новых заводов. Эти новые города, несмотря на то что они были сделаны, что называется, на скорую руку, были менее архаичны и более рационально спланированы. Советская власть, перерабатывая западный градостроительный опыт, старалась по возможности привносить туда идеологическую составляющую.

В Москве основной проблемой было то, что большая часть города представляла историческую ценность и, следовательно, нельзя было все просто снести, а затем построить или проложить что-то заново. Поэтому в таких случаях приходилось полагаться на западный опыт. В начале 1920-х годов перед работниками Наркомата здравоохранения во главе с Н.А. Семашко и работниками Московского коммунального хозяйства особенно остро встала проблема продвижения альтернативного способа погребения – кремации и кризиса, связанного с кладбищами. Первые работы, затрагивающие тему советских крематориев и кладбищ, выходили в США и Великобритании с начала 80-х годов XX в. и моделировали создание новой ритуальной обрядности в новом обществе через социоантропологические процессы. Проблема отсутствия более или менее основательной источниковой базы при этом не ставилась [25; 26; 29].

Отечественная историография этой темы делится на четыре направления. Одно из них связано с историей повседневности и быта. Здесь выводы в значительной степени совпадают с тем, что пишут западные коллеги: кремация была одним из элементов отказа от старого быта и принятием принципиально новой, советской идеологии [1; 10; 16; 18]. Второе направление связано с исследованиями по истории Русской православной церкви (РПЦ). В этих работах кремация рассматривается как антирелигиозный обряд в контексте не просто новой идеологии большевиков, но как особо циничный метод борьбы с РПЦ [4; 6; 24]. Эти направления не исключают, а скорее дополняют друг друга. Третье направление современной историографии – это исследования с попытками интеграции социокультурных кодов, изменения отношения

к телу [30; 11; 13]. Ученые, работающие в рамках этого направления, зачастую базируются на исследованиях, упомянутых в начале статьи. Однако в данном случае принципиальное отличие состоит в том, что советская похоронная практика рассматривается в общемировом контексте. И наконец, работа советских крематориев изучается в связи с политическими репрессиями в СССР, поскольку большое количество жертв репрессий было кремировано [16; 17].

События, связанные с темой смерти в СССР, почти всегда описывались через яркие события, связанные с погребальными ритуалами. Это могли быть заявления политиков или деятелей культуры, статьи в честь открытия крематория, высказывания похоронных теоретиков Е. Ярославского или В. Вересаева или такого же рода выступления в прессе советских граждан, ратовавших за кремацию. Однако реальная практика развития похоронных услуг в 1920-е годы довольно сильно отличалась от заявлений в газетах.

В данной статье основное внимание уделяется тому, как введение кремации выглядело с точки зрения градостроителей и инженеров, вдохновленных западными идеями и старавшихся вписать российские города в мировой урбанистический контекст. Если в западной, особенно скандинавской историографии [28; 31], кладбищенский менеджмент и проблемы функционирования крематориев и кладбищ с точки зрения встраивания в городское пространство давно и плодотворно изучается, то в России эта тема еще только начинает изучаться [19]. В статье анализируются статистика и внутренняя документация работников крематория, а также документация московского коммунального хозяйства (далее – МКХ), в чье ведение входило курирование работы крематория и кладбищ.

Первые шаги

В XIX в. градостроительные представления о кладбищах стали меняться. Развивалась гигиенистика, и стало ясно, что нельзя слишком часто хоронить большое количество людей на маленьких клочках земли, скрытых от посторонних глаз, и, как правило, глубоко сакральных. Все более очевидной становилась идея, что кладбище должно быть довольно большим, особенно если дело касалось крупных городов. Соответственно, большое пространство было сложно скрыть, организация большого кладбища, кроме того, требовала больших затрат. Таким образом, похоронная индустрия постепенно входит в сферу интересов градостроителей, которым стало важно продумать структуру города так, чтобы кладбищенское пространство гармонично и логистически верно вписывалось в пространство города. Желательной была и прибыльность кладбища.

В крупных городах Европы и Америки, там где церковь позволяла, в конце 1870-х – начале 1880-х годов появляются крематории. К началу Первой мировой войны Америка и европейские страны особенно ощутили своевременность данного нововведения. В первой четверти XX в. статистика распространения крематориев выглядела примерно так: США и Канада – 87 крематориев, Германия – 69, Италия – 37, Швейцария – 17, Англия – 16, Чехословакия – семь, Франция – шесть, Швеция – три, Норвегия – три, Дания, Голландия, Австрия, Австралия, Аргентина, Испания, Мексика, Чили, Португалия, Румыния – по одному [2, с. 16]. Первая мировая война способствовала тому, что развитые страны начали все более активно обзаводиться своими крематориями. К этому времени кремация в крупных городах (в Германии, Франции, Англии, Италии) уже не вызывала слишком сильного беспокойства среди населения, а увеличение числа крематориев в крупных городах помогло решить проблему быстрого погребения погибших в условиях военного времени.

В России похороны и почти все с ними связанное входило в ведение РПЦ, соответственно, в этом вопросе церковь была монополистом. Поэтому, несмотря на развитие медицины и гигиенистики, сфера похорон оставалась консервативной. Кладбища оказались почти полностью исключены из городского пространства, а взаимодействие городских властей и руководства церкви было слабым. Идея кремации к 1917 г. уже была известна в Российской империи. Основная часть населения царской России практически не сталкивалась с темой кремации, но эта идея обсуждалась на государственном уровне. «Накануне Первой мировой войны комиссия народного здоровья при Государственной думе рассматривала законопроект постройки крематория. Идея была одобрена Министерством внутренних дел, но встретила сопротивление представителей Синода» [10, с. 100]. При этом образованная часть населения могла узнать о последних инновациях в кремационном деле из материалов периодической печати, например из статей известного журнала «Зодчий» [5]. В итоге из-за консервативной позиции церкви градостроительная мысль в похоронной сфере в России оставалась сугубо теоретической, но городские инженеры пристально наблюдали за передовыми идеями на Западе.

В начале 1919 г. в Петрограде была основана «Постоянная комиссия по постройке Первого Государственного крематория». В 1920 г. журнал «Церковь и революция» объявил конкурс на постройку первого в России крематория. Конкурс проходил под лозунгом: «Крематорий – кафедра безбожия» [10, с. 100]. Первоначально строительство Петроградского крематория планировалось на территории Александро-Невской лавры, что вызывало резкое неодобрение представителей православной церкви. Из-за сильного протеста со стороны духовенства, народа и нехватки рабочей силы крематорий начал свою работу в переделанном здании бывшей бани. Питерская система трупо-

сжигания просуществовала недолго. Уже в 1921 г. Петроградский крематорий закрылся. Информации о его работе не очень много, и поэтому трудно делать выводы об интенсивности внедрения кремации в первые годы Советской власти. Скорее всего, численность кремированных была невелика, а основной контингент составляли неизвестные бродяги [10, с. 100].

Крематорий и новое городское планирование

После революции похоронная сфера почти полностью была выведена из-под юрисдикции церкви. 23 января 1918 г. вступил в силу декрет Совета народных комиссаров «Об отделении церкви от государства и школы от церкви». По условиям этого декрета организация похорон переходила в юрисдикцию уездных советов, коммунального хозяйства и частично в Пятый отдел Наркомюста. Таким образом, развитию градостроительной мысли в похоронной сфере был дан старт.

Одной из причины резких изменений в похоронной сфере была нехватка мест для погребения в столице нового государства – Москве. Рост населения столицы зависел прежде всего от миграционных потоков из деревни. Рост приостановился из-за войн (как Первой мировой, так и Гражданской), но уже к середине 1920-х годов стало ясно, что население Москвы заметно увеличивается и, как следствие, увеличивается смертность [8]. Между тем в Москве было всего 33 кладбища, 11 из которых были закрыты по причине переполнения. Оставшиеся кладбища были заполнены более чем на 90% [9].

Годы войны и революции и связанные с ними эпидемии и в конечном итоге высокая смертность в 1919–1920 гг. нанесли кладбищенскому хозяйству тяжкий удар. В Москве и в других крупных городах возник так называемый кладбищенский кризис. Основная проблема, по мнению сотрудников Коммунального хозяйства, состояла в нерациональном использовании кладбищ. Земли под захоронения было достаточно, но из-за нерациональности использования, а затем и возросшей в результате войны смертности этот фонд исчерпался. Идеи о расширении кладбищ не встречали большой поддержки: территория Москвы стала расти, начала изменяться топография города, кладбища могли бы помешать прокладке дорог, водопровода и т.д. [21].

В 1920-х годах начала расширяться и московская агломерация. Активно появлялись рабочие поселки, и в 1926 г. уже говорилось о том, что все эти поселения должны в скором времени стать частью Москвы [7]. В связи с этим большие кладбища могли очутиться среди жилых кварталов. Это являлось большой проблемой, так как старые кладбища не соответствовали санитарным нормам, а это было бы крупным градостроительным упущением. В этих условиях и встал вопрос о постройке крематория. При этом позицию церкви

уже можно было не учитывать, однако конфронтация по поводу способа погребения между церковью и большевиками сменилась поисками компромисса [20].

В эти годы стали появляться исследования, подобные тем, которые на Западе существовали уже несколько десятилетий: о том, что кладбищенское пространство необходимо вписать в пространство города. Соответственно, на первый план выходит идея кремации. Однако кремация в Москве задумывалась не как безальтернативный способ погребения. И полной замены традиционного погребения кремацией не предполагалось, хотя в историографии такой тезис присутствует [4]. Традиционные кладбища представлялись в печати в негативном свете, как не удовлетворяющие санитарно-гигиеническим нормам, но в 1926 г. велась работа над проектом четырех новых кладбищ и – одновременно – Московского крематория [21]. Новые кладбища планировалось разместить на окраинах уже разросшейся Большой Москвы, а крематорий, занимающий меньше пространства, предполагалось расположить хоть и не в самом центре Москвы, но все-таки в пределах исторических границ города. С точки зрения логистики это было бы приемлемым решением для Москвы.

Но проблема переноса и реформирования кладбищ была важна и с точки зрения формирования паркового ландшафта и рекреационных городских пространств. В Москве и в других крупных городах в результате роста жилой и индустриальной застройки стали сокращаться общественные пространства и зеленые насаждения. Было много попыток восстановить зеленый фонд в городах, но они не увенчались успехом в полной мере. Недостаток общественных пространств заставил людей использовать для отдыха любые более или менее облагороженные зеленые участки, в том числе и кладбища. Авторы дневников 1920–1930-х годов часто упоминают кладбища как места прогулок как в одиночестве, так и в компании друзей [19]. Постепенно это могло бы стать столь же популярным, как и в ряде Европейских стран, где кладбища также выполняли функции парков.

Деятельность ОРРИК

Одной из главных идей западной урбанистики в вопросах, связанных со смертью, было создание и функционирование крематориев, которые воплощали собой идею рациональности и гигиены. И это была основная идея, которую наши инженеры перенесли с Запада, полностью переложив на советский новый быт. Началом эпохи кремации в СССР послужила выставка, которая прошла в Москве 19 октября 1924 г., а затем была повторена и в других городах страны.

Одним из руководителей выставки стал Гвидо Бартель, немец, активный пропагандист кремации, автор научных и агитационных статей на эту тему. На открытии выставки он выступил с речью, в которой остановился на истории кремации в России и на Западе. В выступлении он подчеркивал, что главными поборниками кремации на Западе были ученые и гигиенисты. Экспонаты выставки были разнообразны. Вначале зал, знакомящий с разными видами погребения: египетские мумии, выбрасывание трупов в поле, выбрасывание в воду, сжигание на кострах, захоронение в землю. Была продемонстрирована эстетика кладбищ на Западе: все могилы ровно расположены, все чисто и аккуратно, трава подстрижена, цветы, где нужно, посажены. Центральное место в этом отделе занимали плакаты с кладбищенской, вернее, могильной, фауной. Главные представители этой фауны были изображены в раскрашенных картинках. Фотографии знакомили посетителей с картиной разложения трупов после годичного и пятилетнего пребывания в земле [2, с. 6–16].

В ходе работы выставки стало ясно: кремация в советской России будет развиваться именно западным путем. В 1925 г. на страницах журнала «Коммунальное хозяйство» периодически выходили заметки Бартеля о достижениях кремации в США, Англии, Германии и Японии. Бартель как будто пытался постепенно приучить читателей к мысли, что кремация – это нечто повседневное и привычное во всем цивилизованном мире.

21 июня 1926 г. инициативная группа в составе Бартеля, С.С. Войта и П.И. Нестренко написала письмо в НКВД. В письме обосновывалась необходимость создания крематория в Москве. В письме также сообщалось, что необходимо создание добровольного общества, которое будет агитировать за кремацию. Авторы письма ссылались на то, что подобная агитация активно велась за границей – когда в западных странах вводили крематории [23].

В 1927 г. в Москве заработал Донской крематорий. Он был переделан из храма святых Серафима Саровского и Анны Кашинской. Выбрав для размещения крематория Донской монастырь, власти облегчили адаптацию человека к новым условиям погребения. Человек шел хоронить своего близкого на ту же святую землю, куда ходил ранее, отпевание, хоть и в несколько иной форме, проводилось, а прах можно было захоронить на территории церкви [там же]. Поскольку догматами церкви кремация не запрещена, а отпевание не является таинством, то даже для верующих людей изменения оказывались не столь уж сильными.

Тогда же, в 1927 г., в СССР было учреждено Общество развития и распространения идеи кремации (ОРРИК, с 1932 г. – Всероссийское кремационное общество), одним из его создателей был Бартель. Все члены – учредители общества были рабочими или представителями интеллигенции, работавшими в области медицины и инженерного дела. Никого из Агитационно-пропаган-

дистского отдела ЦК среди членов – учредителей общества не было [22]. Крематорий был отдан в попечение именно ОРРИК, а не Моссовету или Московскому коммунальному хозяйству (МКХ); это вполне соответствовало утопическим идеям «города-сада» Эбензера Говарда. Градостроительные идеи Говарда в 1920-е годы пользовались популярностью в советской России, и даже иногда их пытались претворять в реальность [12, с. 18–53].

Члены ОРРИК вели агитацию прежде всего на страницах журнала «Коммунальное хозяйство». В статьях всячески подчеркивается, что крематорий – плод развития цивилизованной Европы. Приводится статистика, связанная с работой европейских крематориев: сколько и где крематориев открылось, общее количество кремируемых в год, соотношение среди кремируемых мужчин, женщин и детей и т.п. Странами, где кремация развита лучше всего, называются Англия, Япония и Германия, поскольку именно в этих странах наблюдался самый большой процент кремируемых от общего количества умерших. Так, Бартель писал: «В Германии великолепно поставленное дело пропаганды этой идеи. Умелая, неустанная, хорошо организованная и культурная пропаганда многочисленных (более 200) кремационных ферейнов, со стоящими во главе энергичными неутомимыми и опытными борцами за идею кремации, дала блестящие успехи» [14].

В этом журнале также приводятся результаты опроса 47 человек (из них 40 светских деятелей, семь религиозных деятелей). Треть из них (включая религиозных деятелей), говоря о кремации, употребляют термины «культурно» и «эстетично». Естественно, описывая кремацию, авторы журнала пропагандировали прежде всего западный опыт: кремация на Востоке представлялась как страшная антисанитария.

ОРРИК пытались акцентировать агитацию не только на религиозной, но и на экономической составляющей. Дешевизна кремации была одним из главных лозунгов. Тут советские инженеры и популяризаторы кремации также опирались на западный опыт. Однако советская практика поначалу этому опыту не соответствовала: в Европе было очевидно, что кремация может быть дешевой только при условии, если она будет популярной [27, р. 516]. И в первое время работы крематория в Москве для населения кремация стоила примерно столько же, сколько и обычное погребение [14].

Агитация велась не только через статьи в журналах, она велась, прежде всего, через лекции, которые устраивались членами ОРРИК. Через год после начала работы крематория и ОРРИК на заседаниях общества решался вопрос о том, что доклады для лекций нужно дополнить цифровыми данными о кремации в Западной Европе [23]. То есть члены общества знакомились с западной кремацией не только для технических целей, но и для решения агитационных задач. И в статьях, и в лекциях они объясняли обычным людям

в советской России, которые считали кремацию варварством, что в Европе уже давно существует этот способ погребения и что это нормально.

Но технический аспект кремации был тоже очень важен – особенно для работников крематория, большинство из которых состояли в ОРРИК. В Европе кремация развивалась постепенно, методом проб и ошибок. То, что имело в Европе к 1927 г., формировалось на протяжении 40 лет. Московскому крематорию нужно было пройти этот путь гораздо быстрее. Сталкиваясь с техническими проблемами, работники крематория изучали, каким образом эти проблемы решались на Западе, и использовали соответствующие методы в повседневной деятельности. Так, возникла проблема транспортировки трупов к крематорию: из протокольных записей ОРРИК следует, что члены общества сошлись на необходимости ввести специальные автомобили, т.е. поступить так же, как поступали за рубежом [23].

ОРРИК установило связи с зарубежными, в первую очередь немецкими, сторонниками кремации: изначально кремационные печи в страну Советов завозили именно из Германии. Общество пригласило вступить в собственные ряды представителя западноевропейских кремационных обществ профессора Цейса; Цейсу писались соответствующие письма [там же].

В июне 1928 г. становится известно, что в городе Бремен состоится очередной конгресс по кремации. С этого момента энтузиасты кремации стремились получить разрешение на командировку в Германию – и в итоге советская делегация приняла участие в конференции. Из командировки Бартель привез множество новой информации о похоронных тенденциях на Западе [там же]. На основе новой информации были устроены открытые лекции. В немецких журналах стали появляться статьи о работе Московского крематория. Хотя в этих статьях не всегда приводились правильные данные, сам факт появления таких статей свидетельствовал о возросшем интересе немцев к советскому опыту.

Агитация была столь успешной, что упоминания о кремации попали даже в роман И. Ильфа и Е. Петрова «Золотой теленок». Приобретали все большую популярность экскурсии в крематорий; сотрудникам крематория пришлось сократить их число, поскольку на основную работу не оставалось времени [там же].

Однако к началу 1930-х годов энтузиазм реформаторов стал иссякать. С середины 1930-х крематорий все чаще стал использоваться для кремации останков расстрелянных [17]. Вопрос о реорганизации кладбищ сошел с повестки дня: у коммунального хозяйства не оставалась на это времени и средств, к тому же вопрос о ведомственной принадлежности кладбищ так и не был окончательно решен.

* * *

В 1920-х годах в советской России начали формироваться собственные урбанистические практики, основанные и на западном опыте, и на новой советской идеологии. Одной из таких практик была кремация: в СССР она была симбиозом западных идей и идеологии борьбы с церковью. Внедрение кремации было успешным: Первый Московский крематорий стал реализованной идеей западной градостроительной мысли, воплощенной в реалиях советского нового быта. Успех этот во многом обеспечили энтузиасты кремации, объединившиеся в ОРРИК. Именно ОРРИК подчинился в конце 1920-х годов крематорий. Однако с началом эпохи репрессий в СССР энтузиазм сошел на нет, а крематорий стал использоваться по преимуществу для захоронения жертв репрессий.

Библиография

1. Андреевский Г.В. Повседневная жизнь Москвы в сталинскую эпоху. 1920–1930-е годы. М.: Молодая гвардия, 2008. 592 с.
2. Бартель Г. К 50-летию юбилею кремации // Коммунальное хозяйство. 1926. № 6. С. 6–16.
3. Бартель Г. К истории постройки в Москве первого крематория // Коммунальное хозяйство. 1926. № 15–16. С. 35–38.
4. Головова Л.А. «Ударим кремацией по ветхозаветным кладбищам»: Крайности атеистической пропаганды // Официальный сайт ПСТГУ. [М., 2011] URL: http://pstgu.ru/scientific/newest/news_hist_RPC2/2011/02/08/27827/ (Дата обращения: 21.06.2017.)
5. И.Т. Современные крематории // Зодчий. 1904. № 35. С. 391–393.
6. Кашеваров А.Н. Государство и Церковь. Из истории взаимоотношений советской власти и Русской православной церкви. 1917–1945. СПб.: Санкт-Петербургский государственный технический университет, 1995. 138 с.
7. Красин Г. К вопросу о будущей «Большой Москве» // Коммунальное хозяйство. 1926. № 2. С. 17–20.
8. Лавров Ф. Итоги поездки делегации Моссовета за границу // Коммунальное хозяйство. 1925. № 1. С. 53–56.
9. Лавров Ф. Надо строить крематорий // Коммунальное хозяйство. 1925. № 9. С. 42–43.
10. Лебина Н.Б. Повседневная жизнь советского города: Нормы и аномалии. 1920–1930-е годы. СПб.: ИТД «Летний Сад», 1999. 320 с.
11. Малышева С.Ю. Врезано в камень, врезано в память: (вос)производство советской идентичности в пространствах смерти // Диалог со временем. 2016. Вып. 54. С. 181–206.
12. Меерович М. Градостроительная политика СССР 1917–1922. От города-сада к ведомственному рабочему поселку. М.: НЛЮ, 2017. 440 с.
13. Мохос С. Рождение и смерть похоронной индустрии: от средневековых погостов до цифрового бессмертия. М.: Common place, 2018. 360 с.
14. Наша анкета о кремации // Коммунальное хозяйство. 1927. № 11–12. С. 21–43.
15. Паперный В.З. Культура два. М.: НЛЮ, 1996. 384 с.
16. Петров Н.В. Награждены за расстрел. 1940. М.: Международный фонд «Демократия», 2016. 368 с.

ФЕНОМЕНОЛОГИЯ СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА

17. Расстрельные списки: Москва, 1935–1953: Донское кладбище, (Донской крематорий): книга памяти жертв политических репрессий. М.: О-во «Мемориал»: Звенья, 2005. 596 с.
18. Соколова А.Д. «Нельзя, нельзя новых людей хоронить по-старому!»: Эволюция похоронного обряда в Советской России // Отечественные записки. 2013. № 5 (56). С. 191–209.
19. Соколова А.Д. Новый мир и старая смерть: судьба кладбищ в советских городах 1920–1930-х годов // Неприкосновенный запас. 2018. № 117 (1). С. 74–94.
20. Тарасютина Е.В. Создание Первого Московского крематория: проблемы диалога и конфронтации с РПЦ (1920-е – начало 1930-х гг.) // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2017. Т. 8. Вып. 3 (57).
21. Федьинский В. Кладбищенский кризис в Москве и кремация // Коммунальное хозяйство. 1926. № 9–10. С. 23–30.
22. Центральный муниципальный архив Москвы (ЦМАМ). Ф. 2512. Оп. 1. Д. 1. Л. 2–6.
23. Центральный муниципальный архив Москвы (ЦМАМ). Ф. 2512. Оп. 1. Д. 3. Л. 1–46.
24. Шкаровский М.В. Строительство Петроградского (Ленинградского) крематория как средство борьбы с религией // Клио. 2006. № 3. С. 158–163.
25. Binns Ch. The Changing Face of Power: Revolution and Accommodation in the Development of the Soviet Ceremonial System: Part I // *Man*. 1979. New Series. Vol. 14. N 4. P. 585–606.
26. Binns Ch. The Changing Face of Power: Revolution and Accommodation in the Development of the Soviet Ceremonial System: Part II // *Man*. 1980. New Series. Vol. 15. N 1. P. 170–186.
27. Douglas J.D., Lewis H.M. *Encyclopedia of Cremation*. London: Ashgate Publishing, Ltd., 2010. 488 p.
28. Kjøller C.P. Managing green space of the deceased greenspaces of the deceased: Characteristics and dynamics of Danish cemetery administration // *Urban Forestry and Urbm greening*. 2012. N 11(3). P. 339–348.
29. Lane C. *The Rites of Rulers: Ritual in Industrial Society: The Soviet Case*. New York: Cambridge University Press, 1981. 308 p.
30. Malyševa S. Der rote Thanatos: Nekrosymbolismus in der sowjetischen Kultur // *Jahrbuch für Historische Kommunismusforschung* 2015. Berlin, Metropol Verlag, 2015. S. 181–197.
31. McClymont K. ‘That eccentric use of land at the top of the hill’: Cemeteries and stories of the city // *Mortality*. 2016. N 21(4). P. 378–396.

References

- Andreevskij G.V. *Povsednevnaja zhizn' Moskvy v stalinskuju jepohu. 1920–1930-e gody*. Moscow: Molodaja gvardija, 2008. 592 p.
- Bartel' G. K 50-letnemu jubileju kremacii // *Kommunal'noe hozjajstvo*. 1926. N 6. P. 6–16.
- Bartel' G. K istorii postrojki v Moskve pervogo krematorija // *Kommunal'noe hozjajstvo*. 1926. N 15–16. P. 35–38.
- Binns Ch. The Changing Face of Power: Revolution and Accommodation in the Development of the Soviet Ceremonial System: Part I // *Man*. 1979. New Series. Vol. 14. N 4. P. 585–606.
- Binns Ch. The Changing Face of Power: Revolution and Accommodation in the Development of the Soviet Ceremonial System: Part II // *Man*. 1980. New Series. Vol. 15. N 1. P. 170–186.
- Central'nyj municipal'nyj arhiv Moskvy (CMAM). F. 2512. Op. 1. D. 1. L. 2–6.
- Central'nyj municipal'nyj arhiv Moskvy (CMAM). F. 2512. Op. 1. D. 3. L. 1–46.
- Douglas J.D., Lewis H.M. *Encyclopedia of Cremation*. London: Ashgate Publishing, Ltd., 2010. 488 p.
- Fedyinskij V. Kladbishenskij krizis v Moskve i kremacija // *Kommunal'noe hozjajstvo*. 1926. N 9–10. P. 23–30, 32.

Golovkova L.A. «Udarim kremaciej po vethozavetnym kladbishham»: Krajnosti ateisticheskoj propagandy // PSTGU: Official Website. [M., 2011] URL: http://pstgu.ru/scientific/newest/news_hist_RPC2/2011/02/08/27827/ (Data obrashhenija: 21.06.2017.)

I.T. Sovremennye krematorii // *Zodchij*. 1904. N 35. P. 391–393.

Kashevarov A.N. Gosudarstvo i Cerkov'. Iz istorii vzaimootnoshenij sovetskoj vlasti i Russkoj pravoslavnoj cerkvi. 1917–1945. Saint Petersburg: Sankt-Peterburgskij gosudarstvennyj tehničeskij universitet, 1995. 138 p.

Kjøller C.P. Managing green space of the deceased greenspaces of the deceased: Characteristics and dynamics of Danish cemetery administration // *Urban Forestry and Urbm greening*. 2012. N 11(3). P. 339–348.

Krasin G. K voprosu o budushhej «Bol'shoj Moskve» // *Kommunal'noe hozjajstvo*. 1926. N 2. P. 17–20.

Lane C. The Rites of Rulers: Ritual in Industrial Society: The Soviet Case. New York: Cambridge University Press, 1981. 308 p.

Lavrov F. Itogi poezdki delegacii Mossoveta za granicu // *Kommunal'noe hozjajstvo*. 1925. N 1. P. 53–56.

Lavrov F. Nado stroit' krematorij // *Kommunal'noe hozjajstvo*. 1925. N 9. P. 42–43.

Lebina N.B. Povsednevnaia zhizn' sovetskogo goroda: Normy i anomalii. 1920–1930 gody. Saint Petersburg: ITD «Letnij Sad», 1999. 320 p.

Malyševa S. Der rote Thanatos: Nekrosymbolismus in der sowjetischen Kultur // *Jahrbuch für Historische Kommunismusforschung* 2015. Berlin, Metropol Verlag, 2015. S. 181–197.

Malyševa S.Ju. Vrezano v kamen', vrezano v pamjat': (vos)proizvodstvo sovetskoj identičnosti v prostranstvah smerti // *Dialog so vremenem*. 2016. Is. 54. P. 181–206.

McClymont K. 'That eccentric use of land at the top of the hill': Cemeteries and stories of the city // *Mortality*. 2016. N 21(4). P. 378–396.

Meerovich M. Gradostroitel'naja politika SSSR 1917–1922. Ot goroda-sada k vedomstvennomu rabochemu poselku. Moscow: NLO, 2017. 440 p.

Mohov S. Rozhdenie i smert' pohoronnoj industrii: ot srednevekovyh pogostov do cifrovogo bessmertija. Moscow: Common place, 2018. 360 p.

Nasha anketa o kremacii // *Kommunal'noe hozjajstvo*. 1927. N 11–12. P. 21–43.

Papernyj V.Z. Kul'tura dva. Moscow: NLO, 1996. 384 p.

Petrov N.V. Nagrazhdeny za rasstrel. 1940. Moscow: Mezhdunarodnyj fond «Demokratija», 2016. 368 p.

Rasstrel'nye spiski: Moskva, 1935–1953: Donskoe kladbishhe, (Donskoj krematorij): kniga pamjati zhertv političeskikh repressij. Moscow: O-vo «Memorial»: Zven'ja, 2005. 596 p.

Shkarovskij M.V. Stroitel'stvo Petrogradskogo (Leningradskogo) krematorija kak sredstvo bor'by s religiej // *Klio*. 2006. N 3. S. 158–163.

Sokolova A.D. «Nel'zja, nel'zja novyh ljudej horonit' po-staromu!»: Jevoljucija pohoronogo obrjada v Sovetskoj Rossii // *Otechestvennye zapiski*. 2013. N 5 (56). P. 191–209.

Sokolova A.D. Novyj mir i staraja smert': sud'ba kladbishh v sovetskih gorodah 1920–1930-h godov // *Neprikosnovennyj zapas*. 2018. N 117 (1). P. 74–94.

Tarasjutina E.V. Sozdanie Pervogo moskovskogo krematorija: problemy dialoga i konfrontacii s RPC (1920-e – nachalo 1930-h gg.) // *Jelektronnyj nauchno-obrazovatel'nyj zhurnal «Istorija»*. 2017. Vol. 8. Vyp. 3 (57).